

Н.М. Куренная
(Институт славяноведения РАН, Москва)

К поэтике Якуба Коласа: роман «На росстанях»

Abstract:

Kurenная N.M.

The Yakub Kolas – the classic of the Belarusian literature. The Creator of the first Belarusian novel «The росстанях», poems «New ground», «Сымон-musician» about the life of the peasantry, the awakening of national consciousness, the system of people's spiritual values, the Belarusian picture of the world.

Ключевые слова: белорусская литература, Якуб Колас, художественный полифонизм, картина мира.

В 2003 г. выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов в своем духовном завещании «Воззрение» писал: «Человек в моих стихах равен народу»¹. Эти слова можно с полным правом отнести и к творческому наследию Якуба Коласа (1882–1957), поэта, писателя, ученого, – одного из основоположников художественной литературы Беларуси. В поэзии и прозе Коласа белорус равен белорусскому народу, а «назначение поэта, в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем народного быта узреть само бытие»². Интерес к крестьянскому быту и бытию родился у Коласа еще в Несвижской учительской семинарии, что было отмечено в выпускной характеристике: Константин Мицкевич (подлинное имя Якуба Коласа) «хорошо знает местную природу и крестьянский быт, любит крестьянство и даже изучает его»³. К этому же времени относится и его знакомство с трудами своего земляка фольклориста и этнографа П. П. Демидовича.

Имя Якуба Коласа стало именем-обобщением, именем-символом, которое обозначает не только конкретную творческую индивидуальность, но и явление, которое вбирает в себя огромный мир представлений и ассоциаций. Якуб Колас «принадлежит к тем знаковым для отечественной литературы писателям-пассионариям, чей взгляд на белорусскую словесность и «человека национального» был положен в основу современных представлений белорусов о самих себе как народе»⁴. Прозу писателя отличает симбиоз, переплетение универсальных категорий, национальных и региональных концептов, ключевых слов.

Главным прозаическим произведением Коласа стал роман «На росстанях», над которым он работал на протяжении 30-ти лет. Существует мнение, что все части этого произведения отличаются довольно явными жанрово-стилистическими различиями⁵, контрастностью стиля⁶ и художественным полифонизмом.

Основной сюжет первого белорусского романа посвящен двум параллельно протекавшим процессам – процессу духовного и профессионального роста молодого учителя, «нового человека» для Беларуси начала XX в., и движению к самоидентификации белорусского народа. Сам писатель в предисловии к первой части романа – повести «В полесской глуши», изданной в Вильно в 1923 г., писал: «В полесской глуши» – это небольшой отрезок жизни сельской интеллигенции и, главным образом, сельского учительства. Жизнь эта относится к самому началу XX в., ко времени первой революции 1905 г. Воспитанная в чисто казарменной обстановке, взрошенная на катехизисе Филарета и исполненная духом идеи «веры, царя и отечества», эта интеллигенция, искусственно оторванная от живых источников жизни, частично оставалась верной казенным принципам, частью же, не видя просвета, опускалась на дно и скатывалась в болото. Большая же, деятельная и живая ее часть пыталась слиться с этими источниками и наощупь искала дорогу, чтобы познать суть вещей»⁷. (Пер. Н.К.)

Название романа, как правило, семантически соотносится с целостным произведением – в нем может содержаться имя главного героя, основное место действия. Возможно, что название «приоткрывает завесу» над авторским замыслом, и в нем не прямо, а метафорически сообщается основная тема произведения, оно зачастую ключ к ее пониманию. «В названиях, эпиграфах, примечаниях всегда заложена художественная информация, и она совершенно не случайно вынесена за пределы основного текста. Так отмечаются важные смысловые «точки», проецируемые на собственно произведение»⁸. Эти же соображения можно отнести и к названиям трех частей романа – «В полесской глуши», «В глубине Полесья», «На росстанях». Названия частей романа также не случайны. Таким образом, Колас через название дает читателю возможность взглянуть на свое произведение еще до погружения в него»⁹.

В названии прослеживается и автобиографическая мотивированность. Колас уже в зрелые годы, оценивая собственный писательский путь, сравнивал себя с одним из своих персонажей, который «и по служебному, и по социальному своему положению как бы некая промежуточная планета, которая ощущает на себе влияние соседних планет»¹⁰. О теме перекрестка, перепутья, выбора Колас размышлял и до начала работы над романом. Еще в тюрьме, куда он попал за организацию учительского съезда, в 1911 г. он пишет стихотворение «На перепутье»:

И меня людская
Буря подхватила,
В омуте глубококом

С силой закружила
И несет с собою
Тяжкою волною.

Не на путь открытый
Ставит мои ноги –
Узки мои стежки,
Заросли дороги.
Я бреду, шагаю,
А куда не знаю!¹¹

Очевидно, что названием романа писатель стремился передать духовное состояние своего героя, наметить сложности его жизненного пути. (О значении этого названия для самого Коласа свидетельствует настойчивое пожелание автора сохранить его в русском переводе.) В этой связи знаменательны слова *alter ego* автора Андрея Лобановича – главного персонажа романа, который в заключительных эпизодах произведения объясняет товарищам по тюремному заключению свои соображения о будущей жизни: «Откровенно говоря, я – на расстанях, не решил, куда присоединиться»¹². Слово «росстань», обозначающее «перекресток двух или нескольких дорог»¹³, в народной славянской мифологии считается особым местом – «перекрестки чтутся роковыми и нечистыми; тут совершаются чары, заговоры...»¹⁴. Возможно, что Колас хотел названием романа не только обозначить его основной мотив – поиски верного жизненного пути главным персонажем, но и назвать место, где происходят значительные события в его судьбе. И место это особое не только в романе, но в геополитическом и культурном пространстве Беларуси. Полесье известно как один из наиболее древних ареалов расселения славян и место формирования их культуры¹⁵, составной частью которой стала народная мифология, наполненная многочисленными демонологическими поверьями.

Автор видит на перепутье не только героя, но и свою родину, которая на самом деле оказывается более значимой в тексте, чем герой. Он выступает в роли наблюдателя, сочувствующего своей бедной и печальной стороне, ее людям, не способным выбраться из бедности и невежества, однако он в меру своих сил пытается действовать – учит детей бедняков. Его действия не революционны, он искренне верит в то, что просвещение выведет белорусов, полешуков на верный путь. У Коласа много рассуждений о пользе просвещения. Тема учительства – вообще центральная в первой части. Школа, в которой преподает Лобанович, выполняет роль сельского центра, к которому стягиваются многие сюжетные линии.

Роман наполнен множеством ключевых слов, превращающихся в концепты. Один из них – «глушь». Так герой называет полесскую деревню – в глуши, в глубине Полесья. Тема «глуши» вводится в первых двух главах: глухая деревня, глухой уголок. «Как отражаются на нем образы глухого Полесья и какой след оставят они в его душе? – думал учитель». Глушь деревни, т.е. отгороженность от всего мира, людская закрытость и одновременно «неразвитость» мыслей и чувств, нечуткость к страданиям других, к красоте природы, к новому слову дополняется образом дремучего, непроходимого леса, который то радуется глаз героя, то надоедает ему: «тряская, покрытая корнями дорога и глухой лес все же наскучили ему». Так образ природы оказывается созвучным жизни людей.

Но глушь может быть и уединенным, привлекательным для людей местом, таким образом, этот концепт принимает на себя положительные коннотации: «Лучшего места я и не ждал. Тихое, глухое, ничто не помешает вести работу, – проговорил Лобанович». – «И тем не менее впервые вижу человека, который так высоко ставит глушь, да еще такую, как ваша. У вас здесь, извините, еще большая глушь». «Только почаще к нам наведывайтесь, ведь у вас там глушь, человека не увидишь и, кроме подловчего там не кому пойти». И второстепенные персонажи высказывают недовольство глушью, но все же не прочь жить именно там. Уединение может перерасти в отшельничество: «Он любит глушь и одиночество и хочет жить отшельником». «А вы знаете, отец Кирилл, – сказал Соханюк, – коллега находит, что у нас здесь большая глушь, чем Тельшино. И правду говорит, чистую правду! – убежденно промолвил отец Кирилл».

Глушь приобретает резко отрицательные коннотации, когда появляется мотив грязи, помойной ямы: «Небольшая деревенька, в одну улицу выглядела неприветливо и неуютно. На всем лежала печать небрежения и какой-то незавершенности, словно здешние хозяева строились на скорую руку и все делали временно и еще не успели навести тот порядок, которым обычно отличается белорусская деревня. Почти возле каждой хаты грудями лежали и гнили бревна, но никому не приходило в голову положить деревянные кладки, хотя бы возле своей хаты, чтобы можно было пройти через грязь, в которой утопала улица. А грязь была густая, черная как деготь, глубоко размешенная лаптями полешуков, копытами коров и лошадей». «Тут у нас такая яма, такая, извините, помойка, что другой такой на свете нет. – Когда я говорил, что у вас, коллега, большая глушь, то имел в виду, что вы живете дальше от железной дороги. Какая бы ни была сама по себе глушь, но когда ты слышишь гудок паровоза, стук вагонных колес и видишь эти ровные либо красиво закругленные полосы железа на шпалах, то не так тоскливо ощущаешь оторванность от людей и культуры».

Оторванность производное от глуши. Деревня прямо как необитаемый остров, и только железная дорога ведет в мир культуры.

Герой меняет отношение к глуши, стараясь ее полюбить, но это у него не очень получается. «Глушь тут у вас, наставничек! – Все вы, господа, в глуши живете, а глуши боитесь. И в глуши люди живут. Мне, матушка, даже нравится такая глушь», «И вот теперь...глушь, которая заинтересовала меня вначале, начинает казаться враждебной и начинаешь видеть в ней неприятеля».

Рядом с глушью появляется определение «темный». Таким бывает и лес и человек – так у Коласа ходят рядом человек и природа. Темнота – это и тайнознание (бабка вылечила героя от головной боли, и все к ней ходят лечиться), которое Лобанович считает первобытным и осуждает, но все же как-то принимает: то задумывается о его причинах, то шутит на эту тему. «Почему у народа не хватает ума от них (от суеверий) освободиться», – думает герой, слушая быличку и не доверяя рассказчице. Но, оказавшись на том же месте, где в лапы нечистому чуть не попал сын бабки, он сам испытывает жуткий страх. Это очень важное наблюдение Коласа – пространство бывает опаснее демонологического персонажа. Главная функция народного рассказа о мифологическом – это функция эмоциональная¹⁶. Страх слушателя – вот что главное. Без страха быличка – не быличка. Здесь страх приходит со значительным опозданием. «Вот он, учитель, не верит ни в какую таинственную враждебную силу, существующую независимо от человека, однако и он ощущает на себе влияние нелепого страха. Если он придет сюда днем, ничего этого не будет. Но дело здесь не в ночном мраке, а в том, что мраком покрыты еще многие стороны психической жизни человека. И все же Лобанович чувствовал, что ему страшно, что у него не хватает сил преодолеть этот страх».

«Призови к себе нечистую силу», – говорил ему какой-то голос, но учитель притворился, что не слышит его, и вместе с тем ощущал еще больший страх. «Если у тебя не хватает на это смелости, прислушайся: ты что-то услышишь», – преследовала его неотвязная мысль. «Ну что же, – проговорил про себя Лобанович, – и буду слушать!» И он внимательно начал прислушиваться. Все та же тишина, та же глушь. – Черти! Черти! Покажитесь! – тихонько позвал он и снова стал прислушиваться».

Устность подобных сцен, – это не только диалоги героев, но и быличка, которую рассказывает бабка-знахарка, по существу это типичный народный рассказ о сверхъестественном, который не имеет отчетливого финала. Колас не объясняет, как герой освободился от страшного противника, неужели только с помощью физической силы. Не крестился, не творил молитвы, не произносил заговоры, и время будто не шло, а ведь все

началось в опасное время суток, на заре, когда вся нечистая сила несется на людей опрометью. Перед персонажем появляется нечто – «и не зверь, и не человек», голый и скользкий, «ни шерсти, ни одежды». После встречи с ним сын бабки не только свитку разорвал, но и три месяца после этого болел горячкой. Эта встреча не кончилась смертью, как обычно бывает в быличках.

В тексте романа уже на первых его страницах Коласом через посредство своего героя были заданы две генеральные темы, более других интересовавшие писателя на протяжении всей жизни: «Есть две важные части, из которых складывается жизнь и которые придают ей глубокий смысл и красоту, – человек и природа. Никогда не утратит интереса человек, ибо проявление его ума безграничны, пути его неизведанны, формы его жизни и его отношений с другими людьми бесконечно разнообразны, окончательно не определились и никогда не могут стать окончательными. А природа! Сколько великой радости дает нам она!».

Очень важна для описания героев и Полесья именно оппозиция человек/природа. Она сближает противопоставленные понятия, даже сливает их воедино: «...жители этой деревни представляли собой настоящих детей леса, которые, казалось, совсем еще недавно обосновались здесь и только начали переходить от одной формы жизни к другой». «Ведь полешуки – люди рассудительные, степенные, осторожные, не сразу и не каждому открывают они свою душу, - должно быть, сама природа Полесья наложила на них свой отпечаток». «Длинные, как у попа, темно-русые волосы, светло-серые глаза, средний рост, широкие плечи, медлительность движений и какая-то серьезность выражения лица как нельзя лучше гармонировали с общей картиной полесской природы».

Природа Полесья печальная, она печалит и человека, обостряя его недовольство собственной долей, бедностью, житейскими неурядицами: «Неведомо с каких времен, как свечи, торчали над ними засохшие, сломанные комли старых, истлевших ольх, и печально глядели в небо. От болот веяло какой-то невыразимой печалью; тихую грусть навевали однотонные картины полесских уголков, где жизнь все же создавала своеобразные, неповторимые формы и, несмотря ни на что, имела свою прелесть и красоту. Но эти картины утомляли глаза и печалили сердце, и человек невольно старался отыскать что-то такое, на чем можно было бы отдохнуть и успокоиться». «Казалось, выражение печали, грусти, не сходившее всю зиму с лица этого глухого уголка Полесья, теперь исчезло...» Печаль разлита повсюду, она и в сердце героя: «Лобанович почувствовал какую-то грусть. Откуда она – он не знал и сам». «На душе у него было тоскливо». Печалются и другие персонажи: Ядвися – молоденькая

девушка, к которой учитель испытывает симпатию, пытается отвлечь ее от невеселой жизни: «И печаль своего детства она глубоко затаила в сердце». Жена местного начальника с тяжелой судьбой: «Лобанович обычно сидел еще несколько минут и выслушивал жену подловчего. Она порывалась сказать очень многое, хотела открыть свою душу, излить всю тоску, всю грусть свою, но никак не могла найти нужные слова, соответствовавшие ее мыслям и чувствам». Возникали в селе и своеобразные приятельские «кружки», которые «специально заводились для того, чтобы отдаться иным, грустным воспоминаниям далекого прошлого». Та же печаль и в народных песнях, которые слушал учитель в деревне: «Почему они такие печальные? Почему так мало разнообразия в их мотивах, так мало, что трудно сказать, о чем поют девчата, о грусти или о радости, – ведь когда ни слышишь их напевы, они всегда невеселые... Не однообразие ли здешней природы, не эти ли кривые бесконечные дороги среди лесов и болот наложили на них свой отпечаток?». Печально поет даже печная труба.

У Коласа психологизация как художественный, «поэтологический» принцип явно доминирует над символизацией. Причем речь идет о весьма своеобразной трактовке самого понятия «психологизации»: в поэтике произведений Якуба Коласа во всей полноте воссоздается поэтика его мироощущения. Ее основу составляет «пейзажное мышление», ориентированное на синтез предметно-чувственного мира с миром духовным, земного пространства – с внутренним пространством человека¹⁷: «Только он закрыл глаза – перед ним словно живая встала картина дороги, по которой он ехал от станции: нескончаемые болота и целые стада стожков на них, гати, броды, старые сосны, гордо возносившие свои верхушки над лесом, – словом, вся эта местность, полная особой красоты и невыразимой прелести».

Одно из наиболее любимых и волнующих явлений природы Коласа – гроза. Страхи, которые многие люди испытывали перед грозой, он считал пустыми. Гроза была для писателя предвестником очищения и освобождения природы и человека: «Тем временем с юго-запада поднималась зловещая туча, она все шире и плотнее застилала небо. Из-за Немана доносилось глухое урчание далекого грома. Лобанович невольно повернул домой. Гроза приближалась. Вдруг рванулся ветер и перешел в такую бурю, что земля закурилась пылью. Кусты припадали к самой земле. Огненными стрелами вспыхивали молнии, и хлынул такой дождь, что вода сквозь стены затекала в хату». Тот же мотив грозы, бури звучит, например, в стихотворении «Будет гроза» (1912 г.), которое представляет собой своеобразную переключку с горьковским «Буревестником»:

Начали грозно зарницы играть,

Гром посылает могучую рать.
Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты буря, да грянь посильней!¹⁸

Грозе посвящены не только поэтические и прозаические страницы, и в частной переписке Колас нередко описывает предгрозовые минуты, сопровождающиеся особым состоянием души: «Я не люблю однообразного неба. Я радуюсь грозovým облакам. Они для моих глаз самое лучшее в мире зрелище, а гром для меня занимательнейшая музыка. Но я не в родной Белоруссии, не среди природы. Ее вижу только в мыслях. О ней тоскует душа». 17.У11.1942 (из архива Литературного музея Якуба Коласа. Неопубликованные письма Якуба Коласа к Н.А. Ногиной).

Единение человека с природой не только в общем настроении (печаль, грусть, радость), но и в том, что у них единый ритм жизни. Автор не столько любит красоту природы, сколько выискивает в ней сознание, одушевляет ее. У природы своя жизнь и не понятый людьми разум: «Я хочу спросить тебя, задумывался ли ты когда-нибудь над тем или хотя бы бросалось тебе в глаза, что природа вокруг нас... я не знаю, как выразить свою мысль... Ну, что у нее есть какая-то сознательная жизнь...».

В романе тема природы и человека находится в постоянном движении: в оппозиции человек / природа доминирует то один ее член, то другой, иногда они почти сливаются, природа из источника радости и вдохновения человека превращается в причину его уныния и тоски. По существу в своей трилогии Колас говорит не только о единении и оппозиции природы и человека, но и «о основоположном единстве мира, о взаимопроницаемости всего и вся, о зыбкости границ между миром человека и макрокосмом»¹⁹.

Примечания

¹ <http://kuznecov.ovc.ru/vozzrenie.html>

² Стенограмма 4-го съезда Союза писателей (СП) СССР, 1975.

³ ЦДГА ЛитССР, ф. 567, вып.12, спр. 2870, лл. 38–47. (1902).

⁴ *Вабишчевич Т.* Коласава канцэпцыя «эпічнага» нацыянальнага характару беларусау: рэалізацыя сродкамі прозы // *Каласавіны 2008*. Мінск, 2009. С. 117.

⁵ *Гальманов Д.И.* Стиль прозы Якуба Коласа. Минск, 1973. С. 99.

⁶ Там же.

⁷ *Гушча Тарас.* У палесскай глушы. Вільня, 1923. С. 3. (пер. с белорус. автора статьи).

⁸ *Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 149.

⁹ Там же С.150.

¹⁰ Цит. по *Якуб Колас*. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 2. М., 1982. С. 343.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 84.

¹² Здесь и далее по тексту цитаты даются по изд.: *Якуб Колас. Собр. соч.*: в 4-х т. М., 1982. Т.2, 3. / Пер. с белорус. Е. Мозолькова.

¹³ Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд-е. Т. III. М., 1983. С. 732.

¹⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд-е. Т. 3. М., 1882. С. 59.

¹⁵ *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Народная демонология Полесья. Т. 1. М., 2010. С.8.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ *Шамякина Т.* Касмасофия и литература (беларуски нацыянальны космас и душа беларуса у творчасці Якуба Коласа // *Беларусіка-А.* Мінск, 1993. С. 336.

¹⁸ *Якуб Колас. Собр. соч.*: в 4-х т. Т.1. М., 1982. С. 90.

¹⁹ *Цивьян Т.В.* Язык: тема и вариации. Т. 1. М., 2008. С. 289.